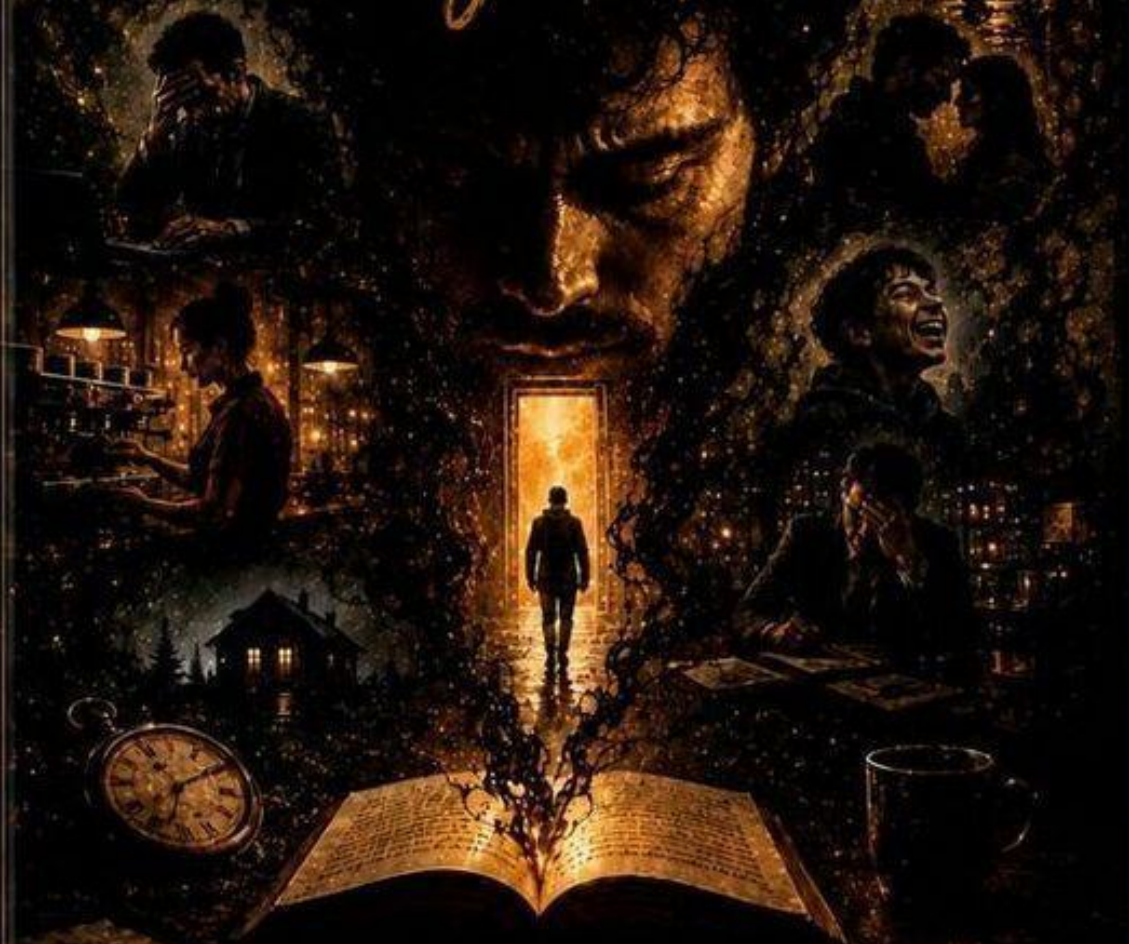

18+

Тишина внутри

КЛУБ НАШ
— где пишем —

Ольга Зарумная

Тишина внутри

«Издательские решения»

Зарумная О. В.

Тишина внутри / О. В. Зарумная — «Издательские решения»,

Марк слышит мысли, которые люди боятся произнести. Но однажды из чужого сознания его зовут именем, которого он не помнит. След приводит к красной двери, которой не должно существовать. За ней хранится ответ на страшный вопрос: что, если много лет назад из этого места вернулся не тот мальчик? Теперь дверь открылась снова. И кто-то по ту сторону уже знает настоящее имя Марка.

© Зарумная О. В.

© Издательские решения

Содержание

ТИШИНА ВНУТРИ	6
ЧАСТЬ I	7
Шум	7
ГЛАВА 1	8
Там, где заканчивается тишина	8
ГЛАВА 2	15
Дом, который помнит	15
ГЛАВА 3	23
Коробка	23
ГЛАВА 4	30
Это не я	30
ГЛАВА 5	38
Красная дверь	38
ГЛАВА 6	45
Глушитель	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тишина внутри

Авторы: Зарумная Ольга Валерьевна, Спирина Яна Николаевна, Ковалевский Степан Игоревич, Лопатинский Константин Алексеевич, Синельникова Ирина Леонидовна, Волкова Юлия Владимировна, Дубровина Мануэла Васильевна

- © Ольга Валерьевна Зарумная, 2026
- © Яна Николаевна Спирина, 2026
- © Степан Игоревич Ковалевский, 2026
- © Константин Алексеевич Лопатинский, 2026
- © Ирина Леонидовна Синельникова, 2026
- © Юлия Владимировна Волкова, 2026
- © Мануэла Васильевна Дубровина, 2026

ISBN 978-5-0071-4356-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТИШИНА ВНУТРИ

роман

ЧАСТЬ I

Шум

ГЛАВА 1

Там, где заканчивается тишина

Первую чужую мысль Марк услышал в восемь семнадцать утра, пока бариста рисовала сердечко на его кофе.

Как же вы все меня достали.

Мысль прозвучала отчётливо, почти у самого уха. Женский голос, молодой, усталый. Марк обернулся.

За ним никого не было. Только запотевшее окно, высокий стол у стены и его собственное отражение: тёмное пальто, застёгнутое на все пуговицы, спокойное лицо человека, который не опаздывает и не заставляет ждать других.

— Ваш капучино, — сказала бариста.

Она улыбалась. Не той дежурной улыбкой, которую выдают вместе с чеком, а почти искренне. Подвинула стакан, поправила крышку и добавила:

— Хорошего дня.

Девушка поймала его внимательный взгляд и машинально коснулась щеки, словно проверяя, не осталось ли на коже молочной пены.

— Что-то не так?

— Нет. Спасибо.

Он забрал кофе и отошёл к окну.

Кофейня была той же, что и каждое буднее утро: шесть круглых столиков, гул кофемолки, запах выпечки, которую Марк никогда не покупал, и музыка достаточно тихая, чтобы её можно было не замечать. Он приходил сюда в одно время и заказывал одно и то же. Девушка за стойкой уже начинала готовить капучино, едва он переступал порог. Это экономило им обоим несколько слов.

Марк любил места, где от него ничего не требовалось. Запомнить заказ, приложить телефон к терминалу, кивнуть, уйти. Чем точнее повторялось утро, тем меньше в нём оставалось случайностей.

Он сделал глоток. Кофе оказался горячее обычного.

Наверное, кто-то произнёс фразу у входа. Голос отразился от стекла, смешался с музыкой, и ему показалось, что он услышал его рядом. Ничего необычного. Марк спал пять часов, перед сном проверял рабочую почту, а ночью дважды просыпался от ощущения, что в квартире кто-то ходит. Старый дом, трубы, соседи сверху. У каждого звука имелось объяснение, если не торопиться придумывать другое.

За соседним столиком мужчина лет пятидесяти держал телефон обеими руками. Экран был тёмным. Мужчина смотрел на него так, будто ждал, что аппарат заговорит первым.

Если она снова позвонит, что я скажу после двадцати лет молчания?

Марк замер со стаканом у губ.

Мужчина не шевельнулся. Его рот был закрыт. На столе перед ним остывал эспрессо, рядом лежала салфетка, сложенная вчетверо с болезненной аккуратностью.

Марк снял беспроводной наушник. Он не помнил, чтобы включал что-нибудь по дороге, но телефон иногда продолжал воспроизведение сам. На экране не было ни музыки, ни подкаста. Только уведомление о совещании в девять тридцать.

Мужчина вдруг поднял глаза. Их взгляды встретились, и Марк поспешно отвернулся.

Это было неприлично. Даже если фраза прозвучала вслух, даже если человек разговаривал сам с собой, разглядывать его не следовало.

У стойки женщина в светлом костюме расплачивалась за воду. Она говорила кому-то по телефону:

— Конечно, всё в порядке. Мы уже почти закрыли квартал.

Голос у неё был ровным и деловым. Она улыбнулась своему отражению в зеркальной панели кофемашины.

К вечеру они узнают, что денег нет.

У бариста напряглись плечи. Мужчина с телефоном гладил большим пальцем край чёрного экрана. Женщина в костюме слишком крепко сжимала бутылку.

Три спокойных лица. Три голоса, которые не совпадали с ними.

Внутри у Марка что-то едва заметно сдвинулось. Будто много лет он смотрел на ровную стену и только сейчас обнаружил, что одна из линий на ней была трещиной.

Он поставил недопитый кофе на подоконник и вышел.

На улице было прохладно. Ночной дождь закончился, но вода ещё лежала в стыках плитки и отражала спешащих людей кусками: ботинки, сумки, полы пальто. Шум города встретил Марка привычным слоем. Двигатели, шаги, шорох шин. В нём не было слов.

Марк выдохнул и пошёл к метро.

До офиса оставалось двадцать восемь минут. Обычно он тратил девятнадцать и ещё девять держал про запас. Опаздывать он не любил, но ещё больше не любил входить в помещение одновременно с начальником, заставляя того придержать дверь и решать, ктойдёт первым.

Он заранее знал, где замедлиться, чтобы не столкнуться с потоком людей, какую створку выбрать у турникета, в какой вагон сесть, чтобы выйти напротив лестницы. Марк называл это внимательностью. Ника однажды назвала системой раннего предупреждения и спросила, бывает ли он хоть к чему-нибудь не готов.

Он тогда ответил, что готов не отвечать.

Ника засмеялась. Марк тоже, потому что понял: от него ждали именно этого.

На платформе было многолюдно. Поезд задерживался на две минуты, и эти две минуты успели испортить настроение десяткам людей. Кто-то проверял часы, кто-то подходил к краю и заглядывал в тоннель, словно состав мог ехать быстрее под наблюдением.

Марк встал у колонны и снова вставил наушники. Музыка он не включил. Наушники были не для звука, а для права не вступать в разговор.

Не смотри на меня. Пожалуйста, только не смотри.

Марк вздрогнул.

Перед ним стояла девушка с ярко-жёлтым зонтом. Она листала сообщения и чуть улыбалась. Никто на неё не смотрел.

Я не вернусь туда сегодня.

Слева мужчина в рабочей куртке зевнул и потёр глаза.

Надо было сказать врачу правду.

Пожилая женщина бережно поправила воротник мальчику лет семи. Мальчик отстранился, она засмеялась и что-то сказала ему, но её слова утонули в нарастающем гуле поезда.

Голоса приходили не вместе. Каждый возникал на мгновение, яркий и законченный, а затем обрывался, будто кто-то переключал частоты. Марк не слышал сотни мыслей. Он слышал только те, которым становилось тесно внутри человека.

Он попытался проверить это. Выбрал парня в наушниках, который раскачивался на носках, и мысленно приказал ему заговорить. Ничего. Перевёл взгляд на женщину с папкой документов, затем на дежурного у колонны. Обычные лица, закрытые рты, ни единого лишнего слова.

Облегчение длилось секунду. Если Марк не мог выбирать, кого слышать, значит, он не управлял даже собственным наваждением. Голоса сами решали, когда появиться и что оставить после себя.

Двери открылись. Толпа качнулась вперёд.

В вагоне Марк встал у противоположной двери и сосредоточился на схеме линии. Семь станций. Четырнадцать минут. Если смотреть на названия и считать промежутки, всё снова станет обычным.

На следующей станции вошёл высокий мужчина с букетом белых хризантем. Он осторожно прижимал цветы к груди, защищая их от чужих плеч. На его лице было выражение почти праздничной сосредоточенности.

Лишь бы она ещё была жива.

Марк отвёл взгляд, но фраза уже осталась внутри.

Раньше Марк считал, что понимает людей — не чувства, а ожидания. Замечал раздражение до претензии, знал, когда нужен совет, а когда подтверждение, и вовремя соглашался. Это делало жизнь предсказуемой.

Теперь под знакомыми лицами открылся второй разговор, и Марк принял его за окончательную правду.

Он ещё не подумал, что случайная мысль может быть вспышкой, а не решением. От этой ложной ясности стало хуже.

Он вышел на станцию раньше своей. Двери закрылись за спиной, унося мужчину с цветами и его страх.

Следующий поезд ворвался в тоннель. Воздух ударил в лицо. На несколько секунд всё заглушил металлический грохот.

Марк стоял неподвижно, пока звук не исчез.

Тишина вернулась не сразу. Сначала перестали звучать колёса, затем объявления, потом шаги удалившейся толпы. Последним пропал голос, которого никто не произносил.

Марк впервые за утро почувствовал облегчение.

В офис он пришёл в девять двадцать три.

Компания занимала два этажа бывшей мебельной фабрики. От прошлого здания сохранили кирпичные стены, чугунные колонны и две балки, которые запрещалось трогать даже уборщикам. Всё остальное сделали новым и прозрачным: стеклянные переговорные, открытые стеллажи, длинные столы без перегородок. Руководство называло это честной архитектурой. Марк считал, что честной архитектуре не требуется столько матового стекла.

Ника сидела на краю его стола и листала распечатанный комплект чертежей. Короткие тёмные волосы она заправила за ухо, во рту держала колпачок от маркера. На экране Марка уже была открыта модель, которую он закрыл вчера вечером.

— Ты снова оставил мне самое интересное, — сказала она вместо приветствия.

Марк снял пальто.

— Узел примыкания?

— Нет. Возможность догадаться, что именно ты исправил молча и почему теперь половина моих размеров красная.

Она вынула колпачок изо рта и показала на лист.

— Здесь была ошибка.

— Я заметил.

— Это я тоже заметила. Сегодня, когда увидела правильный вариант.

— Нужно было оставить?

— Нужно было сказать.

Ника смотрела прямо, без утренних улыбок бариста и женщины в кофейне. Марк знал этот взгляд. Сейчас требовалось признать, что он снова сделал чужую часть работы без предупреждения, затем пообещать обсуждать изменения. Конфликт закончится, не начавшись.

Он не считал себя уступчивым. Уступка предполагала, что сначала у человека было собственное требование. Марк просто быстро находил решение, при котором никто не повышал голос и работа продолжалась. Обычно этого было достаточно.

— Хорошо. В следующий раз скажу.

Нет, не скажешь.

Голос прозвучал её интонацией, но губы Ники не двинулись.

Марк медленно положил телефон на стол.

— Что?

— Я ничего не сказала.

— Ты сказала, что не скажу.

Ника прищурилась.

— Я подумала, что не скажешь. Это считается?

Он попытался улыбнуться. Получилось, видимо, неубедительно, потому что раздражение исчезло с её лица.

— Ты в порядке?

Только не ответь сейчас, что всё нормально.

— Всё нормально, — сказал Марк.

Ника опустила маркер.

— Конечно.

Несколько секунд она продолжала смотреть на него. Марк ждал новой фразы, но слышал только стук клавиатур и принтер у стены. Мысли Ники больше не звучали. Возможно, она действительно произнесла первое. Возможно, он прочитал реакцию по лицу и достроил слова сам. Он всегда умел предугадывать, что люди скажут.

Раньше только не слышал их голосами.

— В переговорную через пять минут, — сказала Ника, спрыгивая со стола. — Глеб Андреевич собрал нас по новому объекту. Кажется, наконец-то не очередной фасад из пенопласта, изображающий историю.

Она ушла, забрав чертежи. Марк включил монитор, затем выключил. Белый свет резал глаза.

На столе стояла кружка с надписью «Сначала план». Ника подарила её после ночи, когда они вдвоём до утра сводили обмеры старого вокзала. На дне она маркером написала код от своего подъезда: Марк тогда поехал за забытой папкой, пока Ника удерживала подрядчика от «быстрого» демонтажа. Код не менялся шесть лет. Марк не пользовался кружкой, но держал её на виду; стереть цифры казалось равносильно признанию, что он помнит их без подсказки.

Он сел и прислушался.

За соседним столом архитектор спорил с поставщиком окон. Из переговорной доносился смех. Кто-то ругался на зависшую модель. Обычные голоса, обычные слова. Ничего другого.

Марк открыл поиск и набрал: «голоса при недосыпе». Не нажал Enter. Закрыв вкладку.

В переговорной Глеб Андреевич стоял у экрана и ждал, пока сотрудники рассядутся. Он умел ждать так, что все начинали чувствовать себя опоздавшими. Руководитель заказал кофе на четверых, хотя их было пятеро, и без вопроса поставил один стакан перед Марком.

— Ты всё равно не допил свой, — заметила Ника.

Марк не спросил, откуда она знает.

На экране появилась фотография старого здания. Массивный прямоугольный объём, тёмный от дождя камень, узкие высокие окна. Над поздней пристройкой угадывался заложен-

ный арочный проём. Колокольни не было, купол тоже исчез. Если не знать, храм можно было не узнать.

— Бывшая церковь Святого Иеронима, — сказал Глеб Андреевич. — В тридцать четвёртом закрыта. После войны передана городскому архиву. Архив выехал в девяносто восьмом, с тех пор здание почти не использовалось. Собственник готовит реконструкцию под общественный центр.

Ника придвинулась ближе к столу.

Марк смотрел на фотографию. В здании не было ничего знакомого. И всё же взгляд сразу нашёл левое крыло, где камень отличался оттенком, затем узкое окно второго этажа и глухой участок северной стены, почти скрытый деревьями.

— Нужны обмеры, обследование и заключение по предмету охраны, — продолжал руководитель. — Срок короткий. Заказчик хочет выйти на демонтаж аварийных конструкций через три недели.

— За три недели мы только исходники научимся различать, — сказала Ника. — Там слоёв минимум четыре.

— Поэтому объект берёте вы двое.

Глеб Андреевич повернулся к Марку.

— Возьмёшь координацию?

Прежде чем Марк ответил, прозвучал знакомый голос руководителя:

Он согласится. Он всегда соглашается.

Глеб Андреевич молчал и терпеливо ждал.

Раздражение поднялось прежде, чем Марк успел назначить ему владельца. Никино? Его собственное? Последнее казалось непривычным.

Он мог сказать, что у него уже два объекта. Что три недели означают ночную работу. Что заключение, составленное до полноценного обследования, почти наверняка окажется удобным для заказчика и опасным для здания. Всё это было правдой.

Но руководителю требовался не список причин. Ему требовалось согласие.

— Возьму.

Ника откинулась на спинку стула.

Ну скажи ты хоть раз «нет».

Он перевёл взгляд на Нику.

— Что?

— На этот раз точно ничего.

Она сделала глоток кофе и поморщилась.

Глеб Андреевич переключил слайд. Появилась схема участка, затем несколько старых фотографий интерьеров: стеллажи до потолка, читальный зал под потемневшими сводами, стопки дел на деревянных столах. На последнем снимке рабочие выносили архивные коробки. В глубине коридора виднелась тёмная стена.

Марк поймал себя на том, что ищет в ней дверь.

— Доступ согласован на завтра, — сказал руководитель. — Сегодня разберите материалы. И ещё: клиент просит не романтизировать объект. Если конструкцию дешевле заменить, чем сохранить, пишем как есть.

Им нужно заключение под уже принятое решение.

На этот раз голос принадлежал Нике. Марк понял это ещё до того, как она постучала пальцем по столу.

— А если принятое решение неправильное? — спросила она вслух.

— Тогда у вас будет три недели, чтобы это доказать.

Совещание закончилось.

В коридоре Ника догнала Марка у лестницы.

— Ты правда хотел взять этот объект?

Вопрос оказался неожиданно сложным.

Марк остановился. Хотел ли он? Фотография здания вызвала неприятное напряжение, но вместе с ним появилось другое чувство, похожее на узнавание. Старые конструкции он любил больше новых. В них ошибка не исчезала после исправления модели. Она оставалась в камне, становилась частью нагрузки, заставляла всё здание искать новое равновесие.

— Объект интересный, — сказал он.

— Я не это спросила.

— Что меняется от того, хотел я или нет?

— Для тебя — ничего. А мне хотелось понять, с кем я завтра еду: с тобой или с уже принятым решением.

Она пошла вниз. На площадке обернулась.

— Если снова услышишь то, чего я не говорила, попробуй хотя бы не отвечать вслух. Коллектив у нас творческий. Диагноз поставят быстро.

Марк дождался, пока она скроется, и вернулся к столу.

Материалы по объекту уже лежали на сервере. Двадцать три папки, часть с понятными названиями, часть с датами, не совпадающими с содержанием. Марк начал с описи. Через час хаос превратился в последовательность: первоначальный проект, послевоенная фиксация, перепланировка под архив, ремонт восьмидесятых, обследование после закрытия.

Работа успокаивала. Линии не скрывали намерений. Если стена несущая, она принимала нагрузку. Если проём заложен, шов оставался в кладке. Чертёж мог ошибаться, но не притворялся человеком.

К обеду голоса почти исчезли. Один раз Марк услышал, как кто-то за спиной подумал: *Я больше не могу переделывать этот узел*, но через секунду тот же архитектор вслух попросил перенести срок. Другой раз из кабинета Глеба Андреевича донеслось короткое: *Лишь бы заказчик не спросил про смету*. Марк записал обе фразы на полях блокнота, а затем зачеркнул.

Он не хотел проверять, были ли они правдой.

После шести офис опустел. Ника ушла на встречу с инженерами, предупредив, что утром заедет за ним в восемь. Она не спросила адрес. Наверное, посмотрела в личной карточке проекта. Или знала раньше. Марк заметил, что теперь ищет скрытое объяснение даже там, где хватало обычного.

Он выключил верхний свет и оставил настольную лампу. На мониторе открылся план первого этажа бывшего храма, выполненный в 1956 году. Тушь расплылась, размеры местами читались плохо. Марк совместил его с более поздним обмером.

Стены не совпадали.

Для старого здания это было нормально. Разные геодезические основы, неточные измерения, утраченные фрагменты. Но северный коридор на одном плане заканчивался на три метра раньше, чем на другом. Получалась узкая полость без входа, зажата между лестницей и наружной стеной.

Марк увеличил участок.

На плане восьмидесятого года полости не было. На послевоенном чертеже её пересекала тонкая линия. Слишком короткая для стены, слишком ровная для дефекта сканирования.

Он открыл исходный файл.

В северной стене была нарисована дверь.

Не условное обозначение проёма. Не дуга открывания, нанесённая проектировщиком. Маленькая дверь, изображённая в перспективе поверх технического чертежа. Красная, с четырьмя прямоугольными филёнками и круглой тёмной ручкой.

Марк приблизил изображение ещё раз. Пиксели рассыпались, но цвет не исчез.

Он нашёл телефон представителя заказчика в карточке проекта и позвонил. Ответили после пятого гудка.

— Простите за поздний звонок. Я разбираю исходные материалы по бывшему архиву. На плане первого этажа отмечен проём в северном коридоре.

— Какой именно?

— За лестницей. Дверь в глухой стене.

На другом конце зашелестели бумаги.

— Там нет помещения.

— На одном из обмеров есть. Возможно, служебная кладовая или замурованная камера.

Дверь обозначена красным.

Молчание длилось дольше, чем требовалось, чтобы открыть файл.

— Наши планы чёрно-белые, — наконец сказал представитель.

— Я вижу красную отметку на скане, который находится в вашей папке.

— Вы, вероятно, открыли не тот документ.

Марк проверил путь. Папка заказчика, исходные данные, архитектурные обмеры. Ошибки не было.

— Файл называется «План первого этажа. Последняя фиксация».

В трубке снова стало тихо.

— Послушайте, — голос представителя изменился. Деловая вежливость осталась, но теперь под ней слышалось раздражение. Или страх. — Я был в этом здании десятки раз. За лестницей глухая стена. Там никогда не было двери.

Не заставляйте меня вспоминать её.

Марк отнял телефон от уха.

— Что вы сказали?

— Я сказал, что двери не существует.

Связь оборвалась.

Марк остался перед монитором. В тёмном стекле окна отражались лампа, стол и человек, который сидел слишком прямо, будто любое движение могло подтвердить происходящее.

На плане по-прежнему была красная дверь.

Он смотрел на неё и знал две вещи.

Первую можно было объяснить усталостью: человек на другом конце не произносил последней фразы вслух.

Вторую объяснить не получалось.

Марк никогда не бывал в этом здании.

Но почему-то точно помнил, что красная дверь открывалась внутрь.

ГЛАВА 2

Дом, который помнит

Ника приехала в семь пятьдесят две и написала одно слово: «Внизу».

Марк уже стоял у окна в пальто. На кухонном столе лежала распечатка плана бывшего архива. Ночью он трижды открывал исходный файл, проверял слои, свойства изображения и историю изменений. Красная дверь оставалась на месте. Она не была пометкой, внесённой поверх скана, не принадлежала ни одному графическому слою и не исчезала при переводе документа в чёрно-белый режим.

На бумаге цвет тоже сохранился.

Марк сложил лист вчетверо и убрал во внутренний карман. Потом вынул, расправил и положил в папку с остальными материалами. Спрятанная дверь выглядела бы признанием того, что её действительно следует бояться.

Он не спал почти до четырёх. Каждый раз, закрывая глаза, видел не саму дверь, а круглую тёмную ручку и собственную ладонь рядом с ней. Ладонь была детской. Эту деталь он считал особенно убедительным доказательством усталости: своих рук в детстве Марк не помнил.

В машине пахло кофе и строительной пылью. На заднем сиденье лежали каски, лазерный дальномер, складная рейка и раскрытый ящик с инструментами.

Ника посмотрела на него, затем на папку.

— Ты вообще ложился?

— Да.

Технически не соврал.

Марк пристегнулся.

— Это ты сейчас подумала?

— Нет. Но приятно, что у твоих голосов есть чувство юмора.

Она тронулась с места. Утренний город плыл в окнах серыми фасадами, мокрыми дорогами и редкими полосами солнца. Ника не включала радио. Обычно Марк был бы благодарен за тишину, но теперь она заставляла прислушиваться.

— Ты нашла что-нибудь о северном коридоре? — спросил он.

— Только то, что исходники собирали люди, которые ненавидели будущих архитекторов. Даты перепутаны, часть листов без подписей. В девяносто восьмом там был какой-то ремонт перед переездом архива, но журнал работ обрывается.

— На чём?

— На словах «в связи с происшествием».

Ника покосилась на него.

— Представитель заказчика после твоего звонка прислал письмо. Просит не вскрывать заложенные проёмы без согласования. Какую именно стену мы собираемся не вскрывать, он не уточнил.

— Я не говорил, что мы собираемся.

— Поэтому особенно интересно, откуда он это взял.

Марк достал распечатку и протянул ей. Ника дождалась светофора, развернула лист на руле.

— Вчера этой двери не было, — сказала она.

— Была.

— На экране в переговорной была тёмная стена.

— Я говорю о файле.

— А я о том, что видела.

Загорелся зелёный. Ника сложила лист и вернула ему.

— Проверим стену, — сказала она. — До тех пор это может быть дефектом скана, чужой шуткой или твоим личным вкладом в историю реставрации.

— Я не рисовал дверь.

— Я знаю.

Ответ прозвучал слишком быстро. Марк посмотрел на неё, но никакого второго голоса не услышал.

Бывший храм стоял в старой части города, за каменной оградой, которую с одной стороны уже разобрали для въезда техники. Вблизи здание казалось тяжелее, чем на фотографиях. Поздние пристройки цеплялись за него кирпичными коробками, трубы пересекали фасад, окна нижнего яруса были заложены до половины. Но над всем этим сохранялся первоначальный ритм узких проёмов и контрфорсов. Здание пережило слишком много переделок, чтобы какая-то одна эпоха могла назвать его своим.

Ника припарковалась у ограды, но Марк не сразу вышел. Из машины было видно западный фасад. На высоте второго этажа один камень выступал из кладки чуть сильнее остальных. Ниже тянулась вертикальная трещина, заделанная раствором другого оттенка.

Марк заранее знал, что под карнизом, за водосточной трубой, будет ещё одна.

Он вышел и поднял голову. Трещина находилась там, где он ожидал.

— Что? — спросила Ника, доставая оборудование.

— Деформация идёт от старого проёма.

— Ты видишь его отсюда?

— Видно разгрузочную арку.

Это было правдой. Арка едва проступала в кладке. Любой специалист мог её заметить, если знал, куда смотреть.

Ника проследила за его взглядом.

— А я бы сначала посмотрела на фундамент.

— Можно и на фундамент.

— Не защищайся. Я не проверяю квалификацию.

Она надела рюкзак и захлопнула багажник.

— Просто ты смотришь на этот дом так, будто он уже успел тебе что-то сделать.

Марк перевёл взгляд на тёмные окна. За одним из них на секунду возникло движение — не силуэт, а изменение плотности темноты. Он моргнул, и стекло снова стало пустым.

— Пока только испортил ночь, — сказал он.

У ворот их ждал седой мужчина в оранжевом жилете. Он представился техническим смотрителем, выдал ключи и заставил расписаться в журнале.

— В центральном зале осторожнее, — предупредил он. — После дождей с перекрытия капает. В подвал без меня не спускаться. На хоры вообще не ходить.

— А за северной лестницей что находится? — спросила Ника.

Смотритель задержал взгляд на её планшете.

— Стена.

— Это мы уже знаем. Что было раньше?

— Архив.

— Архив находился во всём здании.

Мужчина поморщился.

— Я здесь с две тысячи третьего. Что было раньше, спрашивайте у тех, кто составлял ваши бумаги.

Не трогайте старую обшивку.

Марк услышал фразу отчётливо. Смотритель в это время искал на связке нужный ключ.

— Какую обшивку? — спросил Марк.

Ключи перестали звенеть.

— Что?

— Вы сказали не трогать старую обшивку.

Мужчина посмотрел сначала на него, затем на Нику.

— Я сказал: на хоры не ходить.

Он открыл боковую дверь, включил щиток временного освещения и передал Нике связку.

— Закончите, позвоните. Я в бытовке у ворот.

Когда смотритель ушёл, Ника надела каску.

— Ты обещал не отвечать вслух.

— Я не обещал.

— Значит, мысленно согласился. Мне этого должно быть достаточно?

Марк прошёл первым.

Внутри было холоднее, чем на улице. Пахло мокрой штукатуркой, пылью и бумагой, хотя последние архивные коробки вынесли почти тридцать лет назад. Узкий служебный коридор вывел их в бывший читальный зал. Перегородки здесь не доходили до сводов, и над рядами пустых кабинетов проступал прежний объём храма.

Ника остановилась под центром перекрытия и медленно осмотрелась.

— Вот за это я и не люблю слово «реконструкция», — сказала она. — Обычно оно означает, что здание должно извиниться за свой возраст.

Она включила лазер. Красная точка легла на противоположную стену.

Марк раскрыл планшет и начал обход. Он отмечал трещины, высолы, следы протечек, поздние закладки проёмов. Работа требовала последовательности, и первые двадцать минут здание оставалось просто объектом: камень, кирпич, дерево, металл. Каждый дефект имел форму и возможную причину.

В алтарной части прежнего храма когда-то устроили хранилище особо ценных дел. От него осталась тяжёлая решётка и цифры на стене, обозначавшие секции. В боковом нефе перегородки образовывали маленькие кабинеты. На дверях сохранились таблички: «Опись», «Выдача», «Копирование». Бюрократические слова выглядели здесь почти вызывающе, как если бы кто-то попытался измерить своды канцелярской линейкой.

Ника сфотографировала место, где архивный стеллаж был прикручен прямо к резной капители.

— Иногда мне кажется, что люди переделывают старые здания не ради удобства, — сказала она. — Им нужно доказать, что прошлое тоже обязано им подчиняться.

— Здания не подчиняются.

— Поэтому их и сносят.

Марк отметил в ведомости повреждённый камень. В конструкции всегда сохранялась история приложенных к ней сил. По трещине можно было восстановить направление нагрузки, по прогибу — годы перегруза, по новому кирпичу — место прежней утраты. Здание ничего не забывало. Оно только переставало объяснять, что именно с ним произошло.

До этого утра Марк считал такую память метафорой.

Потом из пустого кабинета справа донеслось:

— Дело четыреста двенадцать передайте во второй фонд.

Голос был мужским, сухим, немного гнусавым.

Марк заглянул внутрь. В комнате стояли два разобранных стеллажа и валик старого линолеума. Окно было закрыто досками.

— Здесь кто-то есть? — спросил он.

Ника выглянула из соседнего помещения.

— Кроме нас и человека, которого мы уже напугали?

— Я слышал голос.

— С улицы?

Марк подошёл к стене. На месте, где прежде крепился стеллаж, штукатурка сохранила прямоугольники более светлой краски. Он коснулся одного из них.

Перед глазами на мгновение качнулась настольная лампа под зелёным абажуром. Чья-то рука перевернула тяжёлую картонную папку. Сухая бумажная пыль защекотала нос.

На обложке была выведена фамилия, но Марк не успел её прочесть. За дверью быстро прошли несколько человек. Кто-то сказал: «Не сегодня», и в этих двух словах было столько страха, что обычная служебная фраза на секунду стала предупреждением.

Марк отдёргнул пальцы.

Комната снова была пустой.

— Что случилось? — спросила Ника.

— Статика.

Она посмотрела на оштукатуренную стену.

— От камня?

— От перчатки.

Перчатки лежали у Марка в кармане.

Ника заметила, но спорить не стала. Поставила на планшете отметку и продолжила обмер.

Они продвигались к северному крылу. Голоса больше не появлялись, зато Марк начал замечать вещи, которых не мог знать. За одной перегородкой он заранее ждал ступеньку и поднял ногу до того, как луч фонаря выхватил перепад пола. У запертой двери подсобки потянулся к верхнему косяку. Там действительно лежал плоский ключ, покрытый известковой пылью.

— Ты здесь был, — сказала Ника.

— Нет.

— Тогда у тебя очень специфический талант к поиску чужих ключей.

— Смотрители всегда прячут их рядом.

— На высоте двух метров?

— Чтобы не нашли.

— Убедительно.

Она произнесла это без насмешки, и от этого слово прозвучало хуже.

За подсобкой начиналась старая лестница. Каменные ступени были стёрты по центру, чугунные перила обрывались у площадки второго этажа. За лестничным маршем находилась глухая северная стена.

На первый взгляд представитель заказчика был прав. Ни шва, ни ниши, ни следов заложённого проёма. Сплошная серая штукатурка, поверх которой в разное время прошлись бежевой и грязно-зелёной краской.

Марк достал распечатку.

Дверь на плане располагалась точно здесь.

— Дай рейку, — сказал он.

Ника разложила телескопическую шкалу. Они привязали обмер к наружной стене, проверили толщину кладки и расстояние до лестничной клетки. Трёхметровая полость существовала. В неё не вёл ни один официальный проём.

— Либо здесь помещение, — сказала Ника, — либо снаружи стена толщиной с небольшую квартиру.

Она провела ладонью по штукатурке. Потом включила боковой свет на телефоне и направила луч почти параллельно поверхности.

В косом освещении проступил слабый прямоугольник.

Марк подошёл ближе. Контур был едва заметен: две вертикальные линии, верхняя перемычка и неровность на высоте ручки. Не дверь, а память о ней, сохранившаяся в слоях краски.

Ника постучала по стене рукоятью шпателя. Слева звук был глухим и тяжёлым. Внутри прямоугольника стал выше.

— Под штукатуркой не кладка, — сказала она. — Похоже на дерево.

В тот же момент исчез звук.

Не стих и не отдалился. Просто перестал существовать.

Ника продолжала что-то говорить. Марк видел движение её губ, видел, как шпатель дважды коснулся стены, но не услышал ни голоса, ни удара. Он провёл ботинком по пыльному полу. Подошва оставила серую полосу без единого шороха.

Тишина оказалась не пустотой. Она имела давление. Заполняла уши, горло, пространство за глазами. В ней не было даже собственного дыхания, и Марку на секунду показалось, что тело продолжает двигаться по привычке после того, как он исчез.

Он произнёс «Ника», но не услышал собственного голоса. Имя осталось движением губ. Марк повторил громче, затем закричал. Ника находилась на расстоянии вытянутой руки и продолжала спокойно объяснять что-то о слоях штукатурки. Его крик не достиг даже его самого.

Страх пришёл не от мысли, что он оглох. Глухота оставила бы шум тела, гул крови, вибрацию голоса в костях. Здесь не было ничего. Это была та тишина, к которой Марк стремился всю жизнь, только доведённая до конца: никто ничего не хотел, не думал и не звал его. И самого Марка в ней тоже не требовалось.

Ника взяла его за плечо.

Звук вернулся сразу: скрежет шпателя, далёкий стук воды, её голос на середине фразы.

— ...меня слышишь?

Марк вдохнул слишком резко.

— Теперь да.

— А до этого?

— Нет.

Ника посмотрела на стену.

— Я говорила всё время.

— Я видел.

— Голоса?

— Все звуки.

Она хотела что-то спросить, но вместо этого достала из ящика мел и обвела найденный контур. Белая линия замкнулась вокруг скрытого проёма.

— Вскрывать не будем, — сказала она. — Сначала эндоскоп и согласование. И выйдем отсюда, если это повторится.

— Со мной всё нормально.

— Я не спрашивала.

Они расчистили небольшой участок в нижнем углу, где штукатурка уже отслоилась от сырости. Под поздней металлической сеткой обнаружили узкие доски. Дерево было почти чёрным, но не гнилым. Кто-то законсервировал старое полотно, закрыл его дранкой и только потом оштукатурил так тщательно, чтобы проём исчез.

Ника фотографировала слои и диктовала размеры. Марк присел у расчищенного участка. На древесине оставалась полоска прозрачного лака, гладкая среди известковой корки.

— Не трогай голой рукой, — сказала Ника.

Он уже коснулся её пальцами.

Запах пришёл раньше изображения.

Дождь. Не влажная штукатурка вокруг, а тёплый летний дождь, ударяющий по жестяному подоконнику. Сосновая стружка. Нагретое льняное масло. Табак, вьевшийся в шерстяной рукав.

Большая мужская ладонь лежала поверх маленькой руки и направляла её вдоль деревянной филёнки.

— Не дави, — сказал кто-то совсем рядом. — Дерево само покажет, куда вести.

Голос был низким и спокойным.

Потом мужчина начал напевать. Без слов, едва слышно, одну и ту же короткую мелодию. Марк знал её.

Он не смог бы сказать откуда. Мелодия не вызвала воспоминания — она нашла в нём место, которое всё это время сохраняло её форму.

На мгновение большая ладонь сжалась вокруг детской крепче. Не удерживая. Обещая, что не отпустит.

Вспышка погасла.

Марк обнаружил, что сидит на полу, прижав ладонь к двери. Под пальцами была холодная древесина. За спиной Ника несколько раз позвала его, не используя имени.

— Я здесь, — сказал он.

Слова прозвучали не как ответ ей.

Ника опустила руку рядом.

— Что ты видел?

— Ничего.

— Тогда что слышал?

Марк убрал руку.

— Песню.

— Из-за стены?

— Не знаю.

Он поднялся слишком быстро, и лестница качнулась. Ника придержала его за локоть, но сразу отпустила.

— На сегодня хватит.

— Нам нужен журнал ремонта девяносто восьмого года.

— Нам нужен воздух.

Обведённый мелом прямоугольник теперь почти совпадал с дверью на плане. Не хватало только четырёх филёнок и круглой ручки.

В бывшей комнате хранителя они нашли металлический шкаф с брошенными журналами. Большинство страниц отсырели и слиплись. Ника листала их в перчатках, пока Марк фотографировал описи.

— Вот, — сказала она.

Запись находилась на последнем заполненном листе. «Май 1998 года. Северная лестница. Консервация дверного полотна без демонтажа». Ниже шёл перечень материалов и короткое пояснение: работы приостановлены в связи с происшествием.

В графе исполнителя стояло: «С. М. Орлов».

Ника перевела взгляд с журнала на Марка.

— Орлов — это...

— Отец.

Он забрал журнал и посмотрел на подпись. Почерк ничего ему не напомнил. Две буквы, фамилия, наклон вправо. Обычная служебная запись.

— Он занимался реставрацией дерева, — сказал Марк. — У него была мастерская.

И замолчал, потому что до этой секунды не помнил запаха мастерской.

От отца у него сохранились факты. Высокий. Левша. Курил у открытого окна, полагая, что запах не остаётся в комнате. Делал деревянные игрушки, но редко доводил их до конца. Погиб, когда Марк был ребёнком.

Факты стояли отдельно друг от друга, как предметы в музейной витрине. Марк знал, что они принадлежат его жизни, но не мог войти внутрь ни одного. Не помнил, как звучал смех отца, каким было его лицо в гневе, что он говорил, укладывая сына спать. Даже слово «мастерская» до сегодняшнего дня означало для Марка помещение с верстаком, а не тёплый запах масла и стружки.

Теперь тело узнало отца раньше памяти.

— Ты говорил, что никогда здесь не был.

— Я так думал.

— А теперь?

Марк перелистнул страницу. Следующий лист был вырван.

— Теперь я знаю, что он здесь работал.

— Я спросила, что ты теперь об этом думаешь.

— Пока только то, что он здесь работал.

Ника прислонилась к шкафу.

— Я спрашивала тебя, почему ты пошёл в реставрацию.

— Когда?

— Когда подарила кружку. Мы тогда сдавали школу на Садовой и третью ночь не уходили из офиса.

Марк помнил школу, сроки и ошибку в спецификации. Помнил, что кружка стояла в картонной коробке рядом с остывшей пиццей. Самого разговора не было.

— И что я ответил?

— Что старые здания честнее новых.

— Похоже на меня.

— Именно. Очень правильный ответ, после которого ничего нельзя спросить дальше.

Она сказала это спокойно, без обвинения. Марк вдруг понял, что Ника не впервые пытается добраться до места, где его заранее приготовленные ответы заканчиваются. Раньше он принимал её настойчивость за любопытство и каждый раз давал ровно столько сведений, чтобы разговор мог считаться состоявшимся.

— Я не скрывал отца, — сказал он.

— Я не говорила, что скрывал.

Ты прятал всё так хорошо, что сам перестал находить.

Ника закрыла журнал.

Марк поднял глаза.

— Это была ты?

— Что именно?

Он не повторил фразу. Впервые с утра ему пришло в голову, что услышанное может быть не признанием и не скрытой правдой, а всего лишь мгновением, которое человек сам ещё не успел понять.

— Ничего, — сказал он.

Они собрали оборудование и прошли к выходу. В центральном зале снова закапала вода. Каждая капля ударялась о металлическое ведро и долго жила под сводами. Марк остановился, слушая эхо.

Обычный звук. Настоящий хотя бы потому, что его слышали оба.

У боковой двери Ника пересчитала инструменты.

— Не хватает дальномера.

Марк вспомнил: он оставил его на площадке у северной стены.

— Я заберу.

— Вместе.

— Позвони смотрителю. Иначе он решит, что мы унесли его ключи.

Ника явно хотела возразить, но телефон уже был у неё в руке.

— Две минуты, — сказала она. — Потом иду за тобой.

Марк вернулся к лестнице один.

Белый прямоугольник на стене возник в луче фонаря раньше, чем он ожидал. Дальномер лежал у самого края площадки. Марк поднял его и уже собирался уйти, когда заметил на тёмной полоске дерева свежий след.

Пять маленьких отпечатков.

Будто с другой стороны двери ребёнок приложил ладонь точно напротив того места, которого касался Марк.

Он приблизился.

Тишина вернулась.

На этот раз Марк не пытался проверить её шагом или дыханием. Он стоял перед стеной и ждал, чувствуя, как за штукатуркой существует пространство, которого нет ни на одном плане.

Сначала раздался шорох. Потом короткий вдох.

И детский голос произнёс:

— Не открывай. Он ещё не готов.

Марк узнал голос сразу.

Так узнают себя на старой фотографии, хотя не помнят момента, когда она была сделана.

Из-за стены говорил он сам.

ГЛАВА 3

Коробка

Коробку принесли спустя три часа после того, как за стеной Марк услышал собственный детский голос.

Ника нашла его у северной лестницы с дальномером в руке. Он стоял перед обведённым мелом прямоугольником и смотрел на пять маленьких отпечатков, проступивших на тёмной древесине.

Когда она подошла, следы уже исчезли.

— Что случилось?

Марк ответил не сразу.

— За стеной кто-то говорил.

— Тот же голос?

— Другой.

Он не сказал, что узнал его. Не потому, что не доверял Нике. Слова «это был я» звучали бы как объяснение, а у Марка его не было.

Обратно они ехали молча. Ника предложила отвезти его в больницу, затем — хотя бы к неврологу. Марк отказался. Она не спорила, только остановилась у его дома и потребовала написать вечером.

— Не «если станет хуже», — уточнила она. — В любом случае.

— Хорошо.

Он напишет одно слово, чтобы обещание формально считалось выполненным.

Марк посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего, — сказала Ника. — Начинаю понимать, почему тебе это так нравится.

Дома он первым делом снял пальто, поставил папку с материалами на стол и вымыл руки. Запах дерева всё ещё держался на пальцах, хотя он дважды намылил ладони. Льняное масло, сосновая стружка, табак. Запах отца, которого память не узнавала, а тело отказывалось отпустить.

Марк открыл на телефоне список контактов. Нашёл слово «Мама» и несколько секунд смотрел на значок вызова. После смерти отца она не хранила его вещей на виду и почти не рассказывала о нём. На прямые вопросы отвечала фактами: где работал, что любил, в каком году погиб. Марк привык считать это сдержанностью. Теперь впервые подумал, что молчание тоже может быть действием.

Они созванивались по воскресеньям. Обычно разговор занимал семь или восемь минут. Мать спрашивала о работе, погоде и здоровье; Марк отвечал, что всё в порядке, даже когда это было неточно. Затем он задавал те же вопросы ей. Оба получали подтверждение, что другой жив, и могли ещё неделю не приближаться ни к чему, что требовало настоящего ответа.

В детстве, насколько Марк помнил, всё было устроено примерно так же. После смерти отца мать стала особенно внимательна к распорядку: школа, еда, сон, лекарства, проверенные маршруты. Она не запрещала говорить о прошлом. Она просто умела так быстро переводить разговор к необходимым делам, что прошлое постепенно перестало находить для себя время.

Позвонить ей сейчас означало задать вопрос, на который нельзя ответить расписанием.

Он убрал телефон.

Вместо звонка перенёс фотографии журнала на компьютер и увеличил последнюю запись. Подпись «С. М. Орлов» осталась обычной подписью. В ней не было ни запаха мастер-

ской, ни большой ладони, ни спокойного голоса. Только доказательство, что отец работал у Красной двери в мае 1998 года и что после некоего происшествия следующий лист вырвали.

Марк создал папку «Архив» и разложил материалы по датам. Потом переименовал её в «Объект». Первое название казалось слишком личным.

В половине шестого позвонили в домофон.

— Доставка.

— Я ничего не заказывал.

— У меня ваш адрес.

— Чьё имя указано?

На другом конце помолчали.

— Квартира сорок семь. Подниматься?

Марк мог отказаться. Вместо этого нажал кнопку замка.

Курьер оказался молодым парнем в мокрой синей куртке. Он держал перед собой белую коробку размером с небольшой чемодан. Ни логотипа, ни скотча с названием магазина. Только транспортная наклейка, на которой были напечатаны адрес и номер квартиры. Строка получателя оставалась пустой.

— От кого? — спросил Марк.

Курьер перевернул коробку, будто ответ мог находиться снизу.

— В приложении не написано.

— Где вы её забрали?

— Со склада на Промышленной.

Лишь бы не заставил тащить обратно.

Мысль прозвучала раздражённо и устало. Курьер переминался с ноги на ногу, с его рукавов капала вода.

Марк поймал себя на том, что почти почувствовал облегчение. Обычная чужая мысль. В ней не было тайны, только конец смены и тяжёлая коробка.

— Нужна подпись? — спросил он.

— Просто роспись. Фамилию не надо.

Марк расписался пальцем на экране. Курьер передал ему коробку и сразу пошёл к лестнице.

— Подождите. Как называется служба?

Парень обернулся.

— На наклейке номер заказа. Там всё есть.

Лифт закрыл его прежде, чем Марк успел задать следующий вопрос.

Коробка была легче, чем выглядела. Внутри что-то один раз глухо переместилось и замерло. Марк занёс её в квартиру, поставил на кухонный стол и только тогда увидел надпись на крышке.

Три слова, выведенные простым карандашом:

«Не открывай сразу».

Почерк был незнакомым. Буквы стояли ровно, без нажима, словно отправитель не предупреждал и не угрожал, а давал инструкцию, которую рассчитывал увидеть исполненной.

Марк обошёл стол.

Белый картон. Две полосы прозрачного скотча. Никаких проводов, пятен или запаха. Транспортный номер состоял из двенадцати цифр. Сайт службы доставки сообщил, что такого отправления не существует.

Он позвонил по номеру на наклейке. Автоматический голос попросил назвать код заказа, дважды не распознал его и перевёл вызов на оператора.

— По этому коду ничего нет, — сказала женщина после проверки. — Возможно, курьер ошибся адресом.

— Адрес напечатан правильно.

— Тогда уточните у отправителя.

— Он не указан.

— К сожалению, без номера мы не сможем помочь.

Звонок закончился вежливым предложением оценить качество поддержки.

Марк вернулся к столу.

«Не открывай сразу» было идеальной формулировкой, если целью было заставить его подчиниться. Не «не открывай» — этому можно сопротивляться. Не «открой через час» — это можно проверить по времени. Слово «сразу» не имело границы. Через минуту всё ещё сразу? Через десять? А через двадцать?

Отправитель оставил Марку не правило, а необходимость самому определить момент, когда нарушение перестанет считаться нарушением.

Он налил воды и проверил рабочую почту. Ответил на два письма, хотя смысл обоих сводился к тому, что до обследования невозможно дать окончательное заключение. Загрузил на сервер фотографии фасада. Создал резервную копию журнала.

За стеной на мгновение вспыхнуло чужое раздражение: *Опять забыла купить корм*. Почти одновременно женщина вслух позвала кота. Мысль была простой, привязанной к живому человеку, и исчезла сразу, как только возникла.

Марк прислушался к коробке.

Ничего.

Это почему-то тревожило сильнее. Голосов он боялся, но уже начал понимать хотя бы их ритм: они прорывались вместе с сильным чувством и не оставались надолго. Коробка молчала иначе. Как предмет, который не нуждался в голосе, потому что его уже принесли точно туда, куда следовало.

Через семнадцать минут неизвестный человек уже управлял его вечером.

Само понимание ничего не изменило. Марк слишком хорошо умел жить внутри чужих инструкций, особенно если они не были произнесены прямо. Начальнику не требовалось приказывать взять новый объект. Матери не требовалось просить не возвращаться к разговорам об отце. Достаточно было паузы, взгляда или правильно сформулированного беспокойства, и Марк сам находил решение, при котором другому человеку становилось спокойнее.

Такой способ казался свободой: никто не заставлял, последнее действие всегда совершал он. Только направление появлялось раньше желания.

Надпись на коробке работала тем же образом. Отправитель не запер крышку и не назначил времени. Он оставил Марку возможность послушаться самостоятельно.

Марк положил ладонь на белый картон.

Впервые вопрос был не в том, достаточно ли долго он ждал. Вопрос был в том, хочет ли он знать, что находится внутри.

Хотел.

Он достал канцелярский нож.

Разрезал скотч и открыл крышку.

Внутри не было упаковочной стружки или пузырчатой плёнки. На дне лежали три предмета, каждый отдельно завёрнутый в тонкую серую бумагу.

Первым оказался деревянный ключ.

Он был длиной с ладонь, выточенный вручную из светлого дерева. Круглая головка, толстый стержень и два простых выступа вместо настоящей бородки. Таким ключом нельзя было открыть обычный замок. Он выглядел как игрушка, сделанная взрослым человеком по детскому рисунку.

На одной стороне сохранилась неглубокая царапина. Марк провёл по ней большим пальцем.

Ладонь на мгновение стала маленькой. Деревянная головка упёрлась в середину ладони, пальцы сжались вокруг неё слишком крепко. Рядом находилась другая рука — большая, спокойная, готовая забрать ключ, если станет страшно.

Старая краска была шероховатой под босыми ступнями. Рядом чьё-то колено опустилось на пол: взрослый сел на корточки, чтобы их лица оказались почти на одной высоте.

Большая ладонь осторожно разжала его кулак.

Не отнимая ключ. Проверяя, можно ли оставить.

Образ исчез раньше, чем Марк успел увидеть лицо.

Он положил ключ на стол и развернул второй свёрток.

Детский рисунок был выполнен восковыми мелками на пожелтевшем альбомном листе. Красная дверь занимала почти всю середину. Четыре прямоугольника, чёрная круглая ручка, вокруг — толстая серая стена.

Перед дверью стояли две фигуры.

Первая была маленькой, в синей рубашке, с пятью пальцами на каждой руке. Лицо обозначали две точки и короткая прямая линия. Вторая находилась немного позади. Выше, шире и почти полностью закрашенная чёрным. Одна её рука лежала на плече ребёнка, другая тянулась к дверной ручке.

Под тёмной фигурой неровными печатными буквами было написано: «МАРК».

Марк перечитал имя несколько раз.

На детских рисунках дети подписывают себя. Это объяснение возникло первым и сразу оказалось неверным: имя стояло не под ребёнком. Линия от последней буквы тянулась вверх и упиралась в чёрную ногу второй фигуры.

Под ногами маленькой фигуры бумага была продавлена. Когда-то там тоже что-то писали, затем долго тёрли ластиком, пока верхний слой листа не стал шероховатым. Графит исчез, но бороздки от карандаша остались.

Марк направил на них боковой свет телефона. Проявились отдельные прямые и округлые штрихи, недостаточные для чтения. Первую букву можно было принять за «А», «Л» или треугольник, последнюю — за «Й» или случайную царапину.

Имя ребёнка не выцвело само. Его пытались удалить.

Рядом слово «МАРК» сохранилось полностью, хотя чёрный мелок несколько раз прошёл поверх букв. Тёмную фигуру закрашивали после того, как дали ей имя.

На рисунке одна ладонь тёмной фигуры лежала на плече ребёнка — не хватала и не толкала. Пальцы были растопырены слишком широко, как крыша. Другая рука уже касалась двери — раньше детской.

Марк перевернул лист. На обратной стороне ничего не было.

Третий свёрток скрывал фотографию.

Снимок сделали во дворе старого архива. Каменная стена, деревянные козлы, несколько снятых дверных полотен под навесом. Отец стоял ближе к камере, молодой и непривычно живой. Не человек с фотографий, о котором говорили в прошедшем времени, а мужчина, прищурившийся от солнца и успевший испачкать рубашку лаком.

Рядом он держал за плечо ребёнка.

Тело сохранилось чётко: светлая куртка, короткие брюки, тонкие колени. Но лицо выцвело. Не было стёрто или вырезано. Эмульсия побелела только внутри контура головы, оставив ровное пустое пятно.

В руке ребёнок держал деревянный ключ.

Марк поднёс фотографию к лампе. На месте лица не проступило ни глаз, ни рта, ни тени. Белизна уходила в глубину бумаги, словно снимок никогда не знал, кто стоял рядом с отцом.

Отец на снимке смотрел не в объектив. Его голова была слегка повёрнута к ребёнку, а ладонь лежала на том же плече, что рука тёмной фигуры на рисунке. На указательном пальце темнело пятно лака. Марк вспомнил шерстяной рукав, запах табака и спокойное «не дави».

Фотография не вернула события. Она только дала внешнюю форму тому, что тело уже узнало у Красной двери.

Марк попробовал представить себя на месте ребёнка. Светлая куртка показалась знакомой. Колени — слишком тонкими, поза — привычно неподвижной перед камерой. Но стоило мысленно подняться к пустому лицу, как образ распадался. Он мог признать отца и не мог признать себя рядом с ним.

От этого фотография выглядела не испорченной, а точной.

На обороте была дата: «23 мая 1998».

Та же весна, что в журнале работ.

Ключ, рисунок и фотография не доказывали ничего невозможного. Снимок можно было испортить, рисунок — подделать, ключ — изготовить по изображению двери. Даже запись отца в журнале могла оказаться совпадением фамилии и инициалов.

Но ни одно объяснение не касалось главного: все три вещи описывали место, которого до вчерашнего дня не существовало в его памяти и которое тело уже узнавало.

Телефон зазвонил.

Номер не определился. Марк ответил не сразу.

— Да.

Несколько секунд в трубке звучало только дыхание. Затем женщина сказала:

— Они поняли, что ты проснулся.

Голос был спокойным и низким. Не старым, но усталым так, будто эта фраза слишком долго ждала возможности быть произнесённой.

— Кто понял?

— Не открывай красную дверь.

Марк посмотрел на рисунок.

— Вы отправили коробку?

— Ты её открыл.

Это не было вопросом.

— На ней было написано «не открывай сразу».

— Значит, ты хотя бы остановился.

— Кто вы?

Женщина молчала.

Ответь. Дай понять, что слышишь.

Мысль прозвучала отчётливее её голоса.

Марк сжал телефон.

— Кому вы говорите?

На другом конце резко вдохнули.

— Марк, — сказала она уже иначе. — Значит, сейчас отвечаете вы.

— Я слышу больше, чем вы говорите.

— Тогда времени ещё меньше, чем я думала.

— Назовите имя человека, которому звоните.

Тишина затянулась.

— Если назову, вы всё равно услышите не то.

— На рисунке написано «Марк».

Женщина снова промолчала. Марк почти увидел, как она решает, какую часть ответа можно отдать ему, не отдав остального.

— Посмотри внимательнее, — сказала она.

— Я вижу две фигуры.

— Поэтому и не открывай дверь.

— Я уже нашёл её.

— Нет. Ты нашёл место, где она была.

Связь оборвалась.

Марк сразу перезвонил. Автоматический голос сообщил, что набранный номер не существует.

Он остался у стола с телефоном в руке.

Женщина не произнесла ни одного имени. Не спросила, с кем говорит. Не подтвердила, что Марк — это он. Напротив, попросила внимательнее посмотреть на рисунок, где имя относилось к тёмной фигуре, стоявшей позади ребёнка.

Марк произнёс своё имя вслух.

— Марк.

Оно прозвучало привычно. Так он представлялся, подписывал письма и откликался, когда его звали. Но в пустой кухне имя неожиданно стало похоже не на доказательство, а на хорошо выученный ответ.

Он подошёл к тёмному окну. Отражение повторило движение без задержки: знакомое лицо, белая рубашка, напряжённые плечи. Никакой второй фигуры за спиной.

Марк сказал имя ещё раз, тише. На этот раз ему показалось, что слово относится не к отражению, а к месту между ним и стеклом.

Марк попытался восстановить разговор дословно. «Они поняли, что ты проснулся». Не «они нашли Марка». Не «ты вернулся». Только местоимение, которое он сам автоматически присвоил себе.

Он раскрыл рабочий блокнот и записал весь разговор, оставляя пропуски там, где не был уверен в формулировке. Затем обвёл три слова: «ты», «он», «тебя». Ни одно из них не доказывало, что женщина говорила с человеком, который называл себя Марком. Адресат возник только потому, что трубку держал он.

Так было и с первым услышанным предупреждением. Фраза попадала в сознание, а Марк уже сам достраивал, кому она принадлежит, что означает и какую правду раскрывает. Он принимал способность услышать за право вынести окончательное решение.

Теперь неизвестная женщина сделала с ним то же, что он сам делал с каждым услышанным голосом: дала фрагмент и позволила принять догадку за факт.

Он присваивал мгновенные мысли людям, считая страх их сущностью. Присваивал себе чужие ожидания, прежде чем успевал понять, хочет ли того же.

Он взял рисунок и поднёс ближе. Чёрная фигура была нарисована грубо, несколькими слоями мелка. Но её рука на плече ребёнка не выглядела угрожающей. Она удерживала его на месте или закрывала собой. Другая рука тянулась к Красной двери прежде, чем детская.

Марк посмотрел на деревянный ключ.

Отправитель оставил ему средство открыть дверь и одновременно предупредил этого не делать.

Это противоречие казалось знакомым. Так взрослые говорили человеку, что хотят от него честности, пока честность не нарушала удобный порядок. Так Архив хранил прошлое, одновременно пряча страницу, на которой оно становилось опасным.

Слово «Архив» возникло в голове само. Марк имел в виду старое здание, папки и журналы. И всё же на секунду ему представилось другое место: бесконечные стеллажи, бумага без пыли и книги, в которых чьё-то имя появлялось раньше рождения.

Образ был слишком быстрым, чтобы стать мыслью.

Телефон снова завибрировал. На этот раз написала Ника: «Вечер наступил».

Марк ответил: «Дома».

Через несколько секунд пришло: «Это не отчёт о самочувствии».

Он набрал: «Всё нормально», посмотрел на фразу и удалил.

Написал: «Принесли вещи отца. Я не понимаю, откуда».

Долго не отправлял, затем погасил экран. Если Ника приедет, придётся показать рисунок и фотографию. Придётся объяснить, почему рядом с отцом находится ребёнок без лица и почему его собственное имя подписано под чёрной фигурой.

Он сказал себе, что не имеет права втягивать её в происходящее. Формулировка была разумной, почти благородной. И только поэтому Марк не сразу признал более простую причину: рядом с Никой вещи из коробки станут реальными. Она задаст вопросы, не позволит спрятаться за усталостью и запишет каждый факт, который он предпочёл бы считать наваждением.

Не отправляя сообщение, он защищал не её. Но признать это пока не мог даже себе.

Он завернул фотографию обратно, но ключ оставил на столе. Дерево казалось теплее воздуха. Марк коснулся круглой головки и снова почувствовал детские пальцы.

На этот раз к ощущению добавилось другое: облегчение.

Кто-то возьмёт ключ первым.

Кто-то войдёт туда, куда ребёнок не может.

Марк отдернул руку.

В квартире было тихо. За стеной сосед включил воду, наверху передвинули стул. Обычные звуки удерживали комнаты на месте.

Потом кто-то постучал во входную дверь.

Три спокойных удара.

Марк посмотрел на часы. Без пяти семь.

Он никого не ждал.

Стук повторился. Не громче и не быстрее. Человек за дверью не нервничал и не собирался уходить.

Марк убрал рисунок в коробку и накрыл фотографию серой бумагой. Деревянный ключ почему-то спрятал в карман.

Подожёл к двери, но не посмотрел в глазок.

За дверью кто-то стоял совершенно неподвижно.

И снова постучал — спокойно, настойчиво, словно знал, что Марк уже находится по другую сторону.

ГЛАВА 4

Это не я

За дверью стояла мать.

В одной руке она держала сложенный зонт. На руках были кожаные перчатки. Серое пальто было застёгнуто до горла, волосы убраны так аккуратно, будто она приехала не через мокрый вечерний город, а вышла из дома, заранее зная, сколько времени займёт дорога.

Марк не видел её почти два месяца. За это время она стала чуть ниже или просто сильнее втянула голову в плечи. Лицо осталось прежним: спокойным, собранным, не допускающим вопроса, пока не приготовлен ответ.

— Ты долго открывал.

Она не поздоровалась. Он тоже.

— Почему ты здесь?

Мать посмотрела мимо него, в глубину прихожей.

— Мне сегодня позвонили.

— Кто?

— Женщина. Номер не определился.

— Что она сказала?

Мать сняла перчатку и тут же надела снова. Бессмысленное движение выдало страх точное слов.

— Спросила, не начал ли ты опять слышать то, чего нет.

Слово «опять» осталось между ними.

Марк ждал продолжения. Мыслей не было. Впервые с утра он хотел услышать чужой внутренний голос и встречал только молчание.

— Ты ответила?

— Сначала я решила, что это розыгрыш.

— А потом?

— Потом она сказала, что тебе кое-что вернули.

Мать снова посмотрела в квартиру.

Марк не отступил от двери.

— Ты знаешь, что было в коробке.

— Впусти меня.

— Сначала ответь.

Раньше такая пауза заканчивала любой их спор. Мать ничего не приказывала. Она просто ждала, пока он выберет разумный поступок, и разумным всегда оказывался тот, после которого ей не приходилось повторять просьбу.

На этот раз Марк продолжал стоять.

— Я не знаю, что именно тебе прислали, — сказала она. — Но догадываюсь, откуда это взялось.

Он пропустил её.

Мать поставила зонт в угол, сняла пальто и повесила на свободный крючок. Даже сейчас она сначала расправила воротник и проверила, не касается ли мокрый край стены. Перчатки сложила одну в другую, но из руки не выпустила. Марк закрыл дверь.

На кухне горел свет. Белая коробка стояла на столе, крышка была прикрыта неплотно. Серую бумагу Марк сложил сверху, но край фотографии остался виден.

Мать остановилась в дверном проёме.

Её лицо не изменилось. Только пальцы сильнее сжали перчатки.

Она положила перчатки рядом с коробкой. Вместо того чтобы открыть её, взяла чайник и повернула кран.

— Ты ел?

— Утром.

— Утром — это когда?

Она всегда входила в трудный разговор через простое действие. Наполнить чайник, закрыть окно, поправить воротник. Пока руки были заняты, происходящее можно было считать обычной заботой, а не страхом. В детстве Марк принимал этот язык без перевода: если на столе появлялась еда, значит, всё ещё можно исправить.

Вода продолжала течь. Мать смотрела не на чайник, а на край фотографии.

Марк закрыл кран.

— Я не буду делать вид, что ты приехала проверить, поужинал ли я.

Она поставила чайник на стол.

— Где ключ?

Марк почувствовал деревянную головку в кармане.

— Откуда ты о нём знаешь?

Она подошла к столу и сняла крышку. Увидела рисунок, сразу перевернула его изображением вниз. Потом взяла фотографию.

— Где ключ? — повторила она.

— Сначала скажи, кто этот ребёнок.

Мать долго смотрела на снимок. Большим пальцем провела по белому пятну вместо лица, но ничего не сказала.

— Это я?

— Да.

Ответ прозвучал тихо и без колебания.

Подтверждение должно было что-то вернуть. Вместо этого фотография стала ещё менее понятной: мать признала ребёнка, которого не узнавала его собственная память.

— Где это снято?

— Ты и сам знаешь.

— Я знаю здание. Не знаю, почему стою во дворе рядом с отцом.

Мать перевернула снимок. На обороте оставалась дата: «23 мая 1998».

— Он тогда заканчивал работу в городском архиве, — сказала она. — Восстанавливал двери и деревянные панели. Заказ был небольшой, но затянулся почти на полгода.

— В бывшем храме.

— Тогда его уже давно никто так не называл.

— Почему ты не сказала, что он реставрировал этот архив?

— Я говорила, что он работал с деревом.

— Это другое.

— Тебе было шесть. Тебя тошнило от запаха лака. Я не собиралась объяснять разницу между столяром и реставратором.

Марк вспомнил папку с редкими фотографиями отца: возле машины, на берегу, за праздничным столом. Ни мастерской, ни инструментов, ни здания. Мать не просто убрала вещи. Она оставила такую версию прошлого, из которой невозможно было вывести его настоящее.

— Он брал меня на работу?

— Иногда. Если объект был безопасным и больше не с кем было тебя оставить. Ты сидел рядом, рисовал, собирал обрезки дерева.

— И потом я стал архитектором-реставратором.

— Потом ты много лет не мог войти в помещение, где пахло лаком. На уроках труда тебе становилось плохо. Когда ты выбрал институт, я решила, что это уже твой выбор.

Марк провёл пальцем по краю стола. Всё, что он привык считать собственным основанием, вдруг получило скрытый нижний этаж: рука отца, древесная пыль, двери, которые нужно не заменить, а вернуть. Возможно, профессия была его выбором. Но сделанным из материала, происхождение которого от него спрятали.

— Ты не решила. Ты снова предпочла ничего не говорить.

— Красную дверь делал он?

Мать подняла взгляд.

— Ты её видел?

— Нашёл под штукатуркой.

— Туда нельзя было возвращаться.

— Почему?

Она положила фотографию на стол, но ладонь не убрала, словно снимок мог исчезнуть, если перестать его удерживать.

— После последнего ремонта помещение закрыли. Было какое-то нарушение, проблемы с перекрытиями. Я не помню.

Марк видел, как точно она выбирает слова. Не то, что случилось, а то, что можно произнести без последствий.

— Отец закончил работу двадцать третьего мая?

— Да.

— А когда погиб?

Пальцы на фотографии дрогнули.

— Двадцать четвёртого.

Один день.

Марк знал год смерти, название больницы, номер кладбищенского участка. Мать сообщала прошлое так же, как объясняла маршрут: только те сведения, которые позволяли добраться до нужного места. Между датами никогда не было расстояния.

— На следующий день после этой фотографии.

— Да.

— В аварии?

— Ты это знаешь.

— Я знаю слово. Я не помню день.

За окном прошла машина, и мокрый свет фар скользнул по потолку. На мгновение кухня стала чужой: стол, перевёрнутый рисунок, рука матери на лице ребёнка.

— Я был с ним?

Мать убрала ладонь с фотографии.

— Сейчас это ничего не изменит.

— Значит, был.

— Я этого не сказала.

— Ты никогда ничего не говоришь. Оказывается, это не то же самое, что не лгать.

Она выпрямилась.

— После смерти отца ты месяц провёл в больнице. Почти не спал, отказывался есть, пугался людей. Врачи сказали, что память может вернуться частями и что нельзя тебя заставлять.

— Мне было шесть, а не два. Я должен помнить хотя бы тебя рядом.

— Иногда ты не узнавал меня.

Мать сказала это ровно, но её рука нашла край столешницы.

— В первые дни ты просил всех замолчать, даже когда в палате никто не разговаривал. Закрывал уши и всё равно слышал. Отвечал на вопросы до того, как их задавали. Медсестра однажды вошла, а ты уже сказал, что не будешь пить лекарство. Она ещё не успела достать его из кармана.

— Поэтому появились те люди?

— Сначала был психиатр. Потом заведующий привёл мужчину, которого не было в списке врачей. Он долго сидел рядом с тобой и ничего не спрашивал. После этого ты впервые уснул.

Низкий спокойный голос из телефонной трубки на мгновение зазвучал в памяти. Но сегодняшняя собеседница была женщиной. Значит, в больнице и по телефону действовал не один человек, а одна неизвестная ему система.

— Что он сказал тебе?

— Соблюдать распорядок. Не расспрашивать о происшествии. Не спорить с тем, что ты слышишь, но и не подтверждать этого. Каждый день напоминать дату, адрес и привычные действия.

Идеально сложенные перчатки вдруг соединились с его расписанием: подъём в одно время, проверенные маршруты, работа раньше просьбы. Любой день заранее доказывал, что он тот же человек, что вчера.

— То есть мои привычки начались как лечение?

— Они помогли тебе вернуться домой.

— Я был дома. Куда вернуться?

Мать выровняла край перчатки.

— Ты так и не сказала.

— Потому что сама не знала.

— Вот это уже ответ.

Мать отвернулась к окну. Марк видел её отражение в стекле: лицо оставалось спокойным, а плечи поднимались всё выше.

— Потом ты начал слышать их дома, — сказала она.

В кухне стало очень тихо.

— Такие же, как сейчас?

Она резко повернулась.

— Значит, начал.

Марк удержал её взгляд.

— Что они говорят?

— Иногда мысли людей. Иногда то, чего они ещё не сказали. В старом здании я слышал себя ребёнком.

Мать закрыла глаза. Ненадолго, всего на секунду, но Марк никогда прежде не видел, чтобы она позволяла себе исчезнуть из разговора даже на это время.

— Тебе нужен врач.

— Какой? Тот же, что был тогда?

— Тех врачей давно нет.

— А люди, которым ты отдала эти вещи?

Она посмотрела на коробку.

— Откуда ты это знаешь?

— Ты узнала ключ и фотографию. Их не было дома. Кто-то хранил их все эти годы.

Мать взяла рисунок и неохотно перевернула. Красная дверь вспыхнула на белом столе. Две фигуры стояли перед ней так же, как прежде: ребёнок впереди и тёмный человек за его спиной.

— После больницы приходили люди. Не врачи. Они велели убрать всё, что связано с тем днём. Я отдала фотографию, рисунки, инструменты отца. Мне сказали: так голоса не вернутся.

— Кто они?

— Я не знаю.

— Ты отдала незнакомым людям моё детство и не спросила имён?

— Я спрашивала, смогут ли они тебе помочь.

— И они помогли?

— Голоса исчезли.

— Вместе с памятью.

— Ты начал спать. Есть. Снова позволял мне дотронуться до тебя. Вернулся в школу.

Она перечисляла признаки жизни, как пункты выполненного плана. Марк вдруг увидел, сколько лет мать держалась за этот перечень, не позволяя себе спросить, почему знакомый ребёнок после больницы стал другим.

— А вещи отца ты убрала для них или для себя?

Мать сжала губы.

— Три ночи ты просидел перед шкафом с его курткой. Говорил, что он зовёт тебя с улицы и что нужно успеть до дождя. На четвертую ночь открыл входную дверь и ушёл босиком. Я нашла тебя у перекрёстка.

Марк опустил взгляд на собственные ноги, будто на них могла сохраниться грязь той дороги.

— Ты тоже слышала его?

— Нет. Я слышала тебя.

— И решила, что проще убрать куртку.

— Я решила, что не хочу второй раз искать тебя ночью.

В её голосе не было оправдания. Только усталость человека, который много лет назад сделал невозможный выбор и с тех пор не позволял себе проверить, был ли он правильным.

— Этого было достаточно? — спросил он.

— Тогда — да.

— Для кого?

Мать не ответила.

Марк коснулся рисунка.

— Почему моё имя написано не под ребёнком?

— Ты был маленьким. Дети рисуют странные вещи.

— Под ребёнком тоже было имя. Его стёрли.

— Бумаге почти тридцать лет.

— Его стёрли ластиком.

— Какая разница?

— Для тебя, похоже, никакой. Ты просто убирала всё, что не помещалось в объяснение.

— Я убирала то, после чего ты не спал.

— И ни разу не спросила, что останется.

В её лице впервые появилось не беспокойство, а злость.

— Я хотела, чтобы ты перестал мучиться.

— Получилось, что я перестал помнить.

Мать потянулась к рисунку, но Марк прижал лист ладонью.

— Отдай фотографию и ключ.

— Нет.

Слово прозвучало раньше, чем он успел подготовить объяснение. Простое, короткое, не оставляющее пространства, в котором другой человек мог бы выбрать за него более разумный ответ.

Мать смотрела так, будто он заговорил чужим голосом.

— Ты не понимаешь, что может вернуться.

— Поэтому объясни.

— Некоторые вещи не становятся безопаснее от объяснения.

— Почему после аварии я стал называть себя Марком?

Она побледнела.

— Сначала Марком называлась фигурка. Ты отправлял её вперёд, когда боялся. После процедуры начал говорить «Марк» о себе.

— А настоящее?

— Ты поворачивался на прежнее имя. Узнавал меня. Держал за руку. Я решила, что после травмы перепутались слова.

— Ты решила, что перед тобой тот же ребёнок.

— Я видела сына, который наконец заснул.

— И решила больше не спрашивать.

— Врачи велели не спорить. Я боялась, что вопрос вернёт голоса.

— Или вернёт ответ, которого ты не хотела.

Мать отвела взгляд. На рисунке тёмная фигура по-прежнему стояла за ребёнком, там, куда он смотрел бы, услышав чужое имя.

— Какое имя?

Мать молчала, но что-то внутри неё наконец не выдержало.

Только бы он снова не услышал всё сразу.

Мысль вошла в сознание Марка холодной и ясной.

Он заставил себя не превращать её в готовое признание. Это был страх, всего одна вспышка страха. Но слово «снова» не могло появиться из ничего.

— Снова, — сказал он.

Мать отступила от стола.

— Что?

— Ты подумала «снова».

— Я ничего не сказала.

— Что было в прошлый раз?

— Тебе нужно отдохнуть.

— Не решай за меня, что мне нужно.

— А ты можешь решить?

Вопрос ударил точнее, чем она, возможно, хотела. Марк открыл рот и не нашёл ответа. Он мог перечислить, зачем нужны фотография и ключ: проверить дату, восстановить план здания, установить отправителя. Мог доказать, что уничтожать улики неразумно. Но сказать, чего хочет сам, без ссылки на факты и необходимость, оказалось труднее.

Мать увидела паузу и привычно сделала шаг вперёд.

— Отдай мне вещи. Утром мы найдём специалиста. Ты не пойдёшь на работу и не вернёшься в то здание. Через несколько дней станет легче.

Направление снова появилось раньше его желания.

Мать придвинула фотографию к краю стола и начала заворачивать в серую бумагу, словно вопрос уже был решён. Марк забрал снимок из-под её пальцев. Их руки встретились на секунду: её холодная, его слишком тёплая. Раньше она всегда первой решала, какую вещь следует убрать, чтобы в комнате снова стало спокойно.

Марк достал ключ из кармана.

Мать протянула руку.

Он положил ключ не ей, а на рисунок, точно поверх тёмной фигуры.

— Они останутся здесь.

— Тогда хотя бы не открывай им ничего.

— Кому?

Она посмотрела на деревянный ключ.

— В прошлый раз голоса сначала принадлежали людям. Потом ты начал слышать их в вещах. В зеркале, в одежде отца, в собственных рисунках. Они повторяли то, что уже случилось, и то, чего ещё не было. Ты перестал различать.

— Различать что?

— Где они, а где ты.

— И что я говорил?

Мать надела перчатки.

— Что это не ты.

Она забрала пальто из прихожей. Марк не остановил её и не помог одеться. У двери мать задержалась, будто всё ещё ждала, что он исправит вечер привычным согласием.

— Если услышишь голос из какой-нибудь вещи, не отвечай ему.

— Ты сама когда-нибудь отвечала мне?

Мать взялась за ручку.

— Я выбрала то, после чего мне не пришлось искать тебя ночью.

— А мне пришлось жить так, будто искать уже нечего.

Она вышла.

Марк закрыл дверь и повернул замок. Шаги матери спустились по лестнице, не задерживаясь у лифта. Через несколько секунд хлопнула входная дверь подъезда.

Только тогда он заметил: за весь разговор мать ни разу не назвала его по имени. Не произнесла слово с рисунка даже тогда, когда он спросил прямо. В их воскресных звонках она тоже обходилась без обращения — начинала сразу с вопроса о здоровье или работе. Раньше это казалось обычной семейной привычкой. Теперь её молчание совпало с молчанием женщины из телефонной трубки слишком точно.

Квартира осталась прежней.

Мокрое пятно от зонта темнело у стены. На свободном крючке едва заметно качалось металлическое кольцо. Из кухни падал прямоугольник света.

Марк стоял в прихожей и слушал.

Сначала ничего не произошло.

Потом старое зеркало над обувной полкой тихо сказала мужским голосом:

Посмотри на себя. Скажи, как тебя зовут.

Марк поднял глаза.

Отражение было обычным. Только на стекле за его плечом дрожал свет кухни.

Он коснулся деревянной рамы. На мгновение вокруг отражения проступила другая комната: зелёная краска до середины стены, белая раковина, слишком яркая лампа. В зеркале стоял маленький мальчик, а позади него — мать с лицом, которое ещё не научилось быть спокойным. Чья-то рука держала блокнот за границей отражения.

Марк отнял пальцы, и прихожая вернулась.

Голос шёл не из серебряной поверхности и не из стены. Вещь удерживала мгновение так же, как старая древесина в архиве удержала прикосновение отца.

Из гостиной отозвались настенные часы. Голос матери был моложе почти на тридцать лет:

Он знает своё имя. Не заставляйте его повторять.

Часы продолжали идти. Секундная стрелка двигалась без задержки, но каждое её касание деления делало тишину теснее.

Марк прошёл на кухню.

Низкий шкаф у стены достался ему из старой квартиры. Мать называла его удобным и нейтральным, поэтому не выбросила вместе с отцовскими вещами. Теперь из-за закрытой дверцы донёлся детский шёпот:

Это не я.

Марк остановился.

Голос был его собственным и всё же отличался от того, который звучал за Красной дверью. Там ребёнок предупреждал. Здесь он защищался — повторял фразу, пока она не становилась стеной.

Шёпот повторился из пустого стакана у раковины.

Это не я.

Затем из спинки стула.

Это не я.

Он не отвечал.

На столе лежала фотография. Марк был уверен, что после разговора мать оставила её лицевой стороной вверх. Теперь снимок оказался перевернут.

Он подошёл ближе.

Под выцветшей надписью «23 мая 1998» проступали новые буквы. Серые, тонкие, будто графит поднимался из глубины бумаги. Марк не прикасался к фотографии, пока строка не появилась целиком:

«Источник первой незакреплённой записи: 24 мая 1998».

Голоса в квартире замолчали.

Отец погиб двадцать четвёртого мая.

Снимок сделали двадцать третьего.

Первое воспоминание Марка начиналось завтра.

ГЛАВА 5

Красная дверь

Марк позвонил Нике через минуту после того, как голоса в квартире замолчали.

Тишина не вернула вещам безопасность. Он стоял посреди кухни, не прикасаясь ни к столу, ни к спинке стула. Каждая вещь могла удерживать чьё-то движение, страх, фразу, сказанную много лет назад. Каждая могла оказаться дверью, только слишком маленькой для тела.

Ника ответила после второго гудка.

— Если ты собираешься сказать, что всё нормально, предупреждаю: голос у тебя для этого неподходящий.

— У тебя остались ключи от архива?

Пауза длилась меньше секунды.

— Что случилось?

— Мне нужно вернуться.

— Сейчас почти десять.

— Я знаю.

— Я не спрашивала, который час. Ты всё равно поедешь?

Из настенных часов донёсся голос матери:

Не позволяйте ему выбирать, пока он не различает голоса.

Марк отвернулся. Стрелки продолжали двигаться, будто ничего не сказали.

— У меня есть ключ от бокового входа, — произнесла Ника. — И ровно один вопрос: ты собирался поехать туда один?

— Да.

— Тогда жди в квартире.

— Зачем?

— Чтобы я успела приехать раньше, чем ты нарушишь обещание.

— Я ничего тебе не обещал.

— Тем хуже. Значит, придётся полагаться на твою предсказуемость.

Она отключилась.

Марк положил телефон рядом с фотографией. Дата на обороте не исчезла. Серые буквы выглядели частью старой подписи, хотя пять минут назад их не существовало.

Двадцать четвёртое мая.

День смерти отца. День первого воспоминания человека, который теперь называл себя Марком.

Марк завернул фотографию в бумагу и убрал во внутренний карман. Деревянный ключ взял со стола. Тот легко поместился в ладони, но пальцы сомкнулись вокруг него с детской силой, до боли.

Большая рука снова возникла рядом — не воспоминанием, а ощущением. Тёплая, шершавая от работы. Она не отбирала ключ.

Если станет страшно, первым войду я.

Марк разжал пальцы.

Этой фразы отец не произносил ни на фотографии, ни в больничном зеркале, ни в квартире. Она пришла изнутри. Или из того места, которое он привык считать собой.

В дверь позвонили через восемнадцать минут.

Ника вошла, не снимая куртки. Волосы потемнели от дождя, на плече висела сумка с инструментами. Она посмотрела на Марка, на включённый свет во всех комнатах и на деревянный ключ у него в руке.

— Показывай.

Он молча протянул фотографию.

Ника прочла обе даты, перевернула снимок, задержалась на ребёнке рядом с отцом.

— Это ты?

— Мать говорит, что да.

— А ты?

— Я не помню.

— Откуда появилась вторая надпись?

— Сама.

Ника подняла глаза. В её лице не было недоверия — только быстрый внутренний расчёт, который Марк знал по работе. Так она смотрела на трещину, если обычное объяснение не совпадало с направлением нагрузки.

— При мне вещи тоже разговаривают? — спросила она.

— Пока нет.

— Очень обнадеживает.

Она вернула фотографию.

— Что именно мы ищем в здании?

Марк мог ответить: место, где работал отец; источник ключа; подтверждение даты. Все эти формулировки были точными, и ни одна не касалась главного.

— Дверь, — сказал он.

— А если найдём?

Он посмотрел на деревянный ключ.

— Открою.

Ника медленно выдохнула.

— Твоя мать велела не открывать?

— Да.

— Голос ребёнка велел не открывать?

— Да.

— И человек, приславший ключ, вероятно, знал об этом предупреждении.

— Вероятно.

— Хорошо. Тогда хотя бы признаем, что это плохая идея.

— Ты можешь не ехать.

— Могу.

Она сняла с плеча сумку, раскрыла и проверила содержимое: фонарь, рулетка, дальномер, запасной аккумулятор, аптечка. Затем снова застегнула молнию.

— Но тогда это будет плохая идея без свидетеля.

В машине Ника включила радио. Диктор говорил о ремонте моста и ночных ограничениях движения. Голос был ровным, чужим и находился там, где ему полагалось — в динамиках.

Марк держал ключ в кармане. Каждый поворот отзывался в ладони лёгким давлением деревянных выступов.

На перекрёстке Ника остановилась на красный. Дворники размазали свет по стеклу.

Скажи, если снова начнётся.

Марк повернулся к ней.

Ника смотрела на светофор. Губы не двигались.

Через мгновение она сказала:

— Скажи, если снова начнётся.

Загорелся зелёный.

Машина позади коротко посигналила. Ника тронулась, не заметив, что Марк продолжает смотреть на неё.

Он мог принять первую фразу за мысль. Но она прозвучала не изнутри Ники. Голос возник впереди — там, где слов ещё не было, — и только потом совпал с её ртом.

— Уже началось? — спросила она.

— Я услышал, что ты скажешь.

— И раньше слышал мои мысли.

— Это было не то.

— Чем отличается?

Марк попытался найти точное определение.

— Мысль давит из человека. Эта фраза ждала перед ним.

Ника крепче взялась за руль.

— Насколько перед ним?

— Меньше секунды.

— Достаточно, чтобы выиграть в споре?

— Недостаточно, чтобы понять, о чём он.

— Жаль. Единственное практическое применение пока отпадает.

Она сказала это легко, но радио сделала громче.

У бывшего храма не горело ни одного фонаря. За мокрой оградой здание казалось вырезанным из более густой темноты. Окна отражали город, не пропуская его внутрь.

Ника открыла ворота ключом со связки и сразу заперла за ними. На двери бытовки висел замок. Смотрителя не было; по ночам объект охраняла только камера над въездом и датчики в центральном зале.

— Официальная версия, — сказала Ника, пока они шли к боковому входу, — мы проверяем аварийный участок после дождя.

— В северном коридоре нет протечек.

— Поэтому объяснять будешь ты.

— Кому?

Она посветила фонарём на камеру.

Красный индикатор не горел.

— Теперь хороший вопрос.

Внутри пахло известью и мокрым камнем. Временное освещение включилось не сразу: лампы одна за другой вспыхнули под сводами, оставляя между собой длинные полосы темноты. Где-то в центральном зале падали капли.

Марк ждал голосов.

Старые двери молчали. Столы, решётки, обломки стеллажей ничего не удерживали. После квартиры эта тишина должна была успокоить, но казалась подготовленной — как свободное место в строке, куда ещё не внесли запись.

Ника протянула ему каску.

— Даже необъяснимое подчиняется технике безопасности.

Марк надел её.

Они прошли бывший читальный зал и поднялись по северной лестнице. Лучи фонарей скользили по следам старой краски. Меловой прямоугольник сохранился на стене, хотя линии побледнели от сырости. Внутри него была та же неровная штукатурка, которую Ника фотографировала во время обследования.

— Вот твоё дверь, — сказала она.

Марк подошёл ближе.

Сначала он тоже видел только стену. Трещина от верхнего угла, вздутие краски, тёмная точка на месте предполагаемой ручки. Он достал фотографию и сравнил кладку за спиной отца с участком перед собой. Шов, выщербленный камень, узкая полоса более светлого раствора совпали.

На снимке отец стоял именно здесь.

Марк убрал фотографию и вынул деревянный ключ.

— Не спеши, — сказала Ника.

Не вставляй его.

Фраза прозвучала её голосом на долю секунды раньше.

Марк повернул голову.

— Не вставляй его, — повторила Ника вслух.

Он посмотрел на тёмную точку в штукатурке. Та была не отверстием, а сучком — маленьким кругом в древесине, проступившей сквозь слой краски.

Под пальцами поверхность изменилась.

Холодная штукатурка стала тёплым деревом. Из серой стены медленно выступили четыре прямоугольные филёнки. Цвет поднимался не поверх краски, а из глубины, словно дверь всё это время находилась по другую сторону и теперь приблизилась достаточно, чтобы её увидеть.

— Ты это видишь? — спросил Марк.

Ника направила фонарь туда, где лежала его ладонь.

Он оглянулся. Она стояла в шаге от него и смотрела на его руку, прижатую к стене.

— Что именно я должна видеть?

— Красную дверь.

— Здесь штукатурка.

Марк провёл ладонью по филёнке. Подушечки пальцев ощущали трещины лака, углубления резьбы, шляпку старого гвоздя. Ника посветила туда же. Луч лёг на ровную серую стену и оборвался у его запястья, будто часть руки уходила внутрь камня.

Она шагнула ближе.

— Убери руку.

— Почему?

— Потому что я не вижу твоих пальцев.

Марк медленно отнял ладонь. Для Ники она вышла из стены; для него — отделилась от дерева.

На месте сучка появился замок.

Деревянный ключ вошёл без усилия.

Ника схватила Марка за запястье.

— Подожди.

Он уже поворачивал ключ.

Механизм внутри отозвался не щелчком, а множеством далёких звуков: закрылись ящики, упали штемпели, перелистнулись сотни страниц. Красная дверь приоткрылась внутрь.

За ней горел белый свет.

Ника смотрела на стену.

— Что произошло?

— Она открылась.

— Для тебя.

Из щели потянуло сухой бумажной пылью. Марк видел узкий коридор и ряд одинаковых ламп, уходивших дальше, чем позволяла ширина здания.

— Я войду, — сказал он.

— Нет.

Это было первое слово, которое они сегодня произнесли одновременно.

Марк взялся за ручку. Ника не отпустила его запястье.

— Если для меня там стена, как я тебя вытащу?

— Не знаю.

— Прекрасно. Значит, плана нет.

Она переставила фонарь в левую руку и крепче ухватила за рукав его куртки.

— Идём вместе.

— Ты не видишь входа.

— Зато вижу тебя.

Марк толкнул дверь.

На пороге возникло сопротивление, похожее на плотную воду. Воздух обхватил лицо, плечи, грудь и пропустил. Рука Ники на мгновение исчезла с его рукава. Затем она врезалась в него сзади, и дверь закрылась.

Ника выругалась.

Они стояли в коридоре.

Для Марка стены были обшиты тёмным деревом. От пола до потолка тянулись плоские ящики с медными держателями для карточек. Белые лампы висели на длинных шнурах, но свет от них не касался потолка. Двери по обеим сторонам различались размером и возрастом: дубовые, металлические, больничные, квартирные, детские, с цветным стеклом и без ручек.

Ника медленно подняла фонарь.

— Что ты видишь? — спросил Марк.

— Кирпичный проход. Кабели. Трубы. И примерно сорок метров до поворота.

— Здесь нет кирпича.

— А что есть?

— Картотека.

Она достала дальномер и направила красную точку вперёд. На экране возникло число 41,7, мигнуло и сменилось на 8,3.

— До внешней стены должно быть шесть с половиной, — сказала Ника.

Число снова изменилось: 23,1.

Она выключила прибор.

— Ладно. У твоей версии хотя бы нет обязанности соблюдать строительные нормы.

Марк повернулся назад. Красной двери не было. На её месте стоял высокий шкаф с узкими ящиками. Один оказался выдвинут на ширину пальца.

Изнутри шепнул детский голос:

Мы уже были здесь.

Марк задвинул ящик.

— Что?

— Ничего.

— Мы договорились, что ты говоришь.

— Мы не договаривались.

— Значит, сейчас договорились.

В глубине коридора слышались шаги.

Ника погасила фонарь. Белые лампы продолжали гореть — или Марку казалось, что горят. По её лицу проходили полосы света, не совпадавшие с их расположением.

Из-за поворота вышли трое.

На них были серые костюмы без знаков и одинаковые тёмные пальто. Не охрана объекта: обувь слишком чистая, движения слишком спокойные. Первый мужчина остановился в десяти шагах. Женщина справа посмотрела не на Нику, а на деревянный ключ в руке Марка.

Марк ждал чужих мыслей.

Ничего.

Перед ним находились три живых человека и три беззвучные пустоты.

Сопровождающую вывести. Носителя изолировать.

Фраза возникла впереди, холодная и отчётливая.

Марк дёрнул Нику в сторону раньше, чем мужчина поднял руку.

— Сопровождающую вывести, — сказал тот. — Носителя изолировать.

Женщина шагнула им наперерез, но Марк уже толкнул ближайшую дверь. За ней оказалась лестничная площадка с зелёными стенами. Они вбежали внутрь.

Дверь захлопнулась.

— Кто это? — спросила Ника.

— Не знаю.

— Ты услышал приказ заранее?

— Да.

— Тогда услышь, куда нам идти.

Лестница уходила и вверх, и вниз, хотя они находились на первом этаже. На площадках повторялась одна и та же цифра «4». Марк перегнулся через перила. Пролёты уменьшались в темноте, не достигая пола.

Сверху хлопнула дверь.

Вниз не ходи.

Голос принадлежал Нике.

— Вниз, — сказала она мгновением позже.

— Нет.

Он потянул её вверх.

Снизу раздались быстрые шаги. Ника услышала их и больше не спорила.

На следующей площадке были две двери. На одной висела архивная табличка «Личные дела», на другой — белая больничная краска без надписи.

Белую не открывай.

Детский голос прозвучал из-за обеих сразу.

Марк выбрал дверь с табличкой.

За ней снова оказался коридор, но теперь ящики покрывали не только стены. Они поднимались над головой и продолжались под прозрачным полом, образуя шахту из тёмного дерева. В медных рамках мелькали имена. Прочесть их не удавалось: буквы менялись, едва взгляд останавливался.

Ника видела другое. Она шла, выставив перед собой руку, обходила невидимые Марку препятствия и один раз пригнулась под чем-то, чего над ним не было.

— Справа труба, — предупредила она.

Для Марка справа открывался пустой дверной проём.

Он сделал шаг и ударился плечом о холодный металл.

Два пространства занимали одно место и не соглашались даже в мелочах.

Позади открылась дверь.

Он свернёт к залу.

Мужской голос пришёл из будущего.

Перекрывать арку.

Вторая фраза наложилась на первую. Затем появились ещё две — одинаковые слова с разными интонациями, разные шаги, разные варианты движения. Коридор заполнился тем, что могло произойти через секунду. Марк остановился, оглушённый множеством ближайших будущих.

Ника толкнула его в спину.

— Не слушай всё. Найди то, после чего мы ещё движемся.

Она не могла знать, как это работает. Но фраза отделила один след от остальных.
Стекло.

Марк увидел впереди дверь с узким матовым окном.

Не разбей.

Предупреждение прозвучало голосом человека в сером.

Марк схватил Нику за руку и толкнул дверь плечом. Стекло осталось целым. Через мгновение с другой стороны в него ударил металлический предмет. По матовой поверхности разбежалась белая сеть трещин, но осколки удержались в раме.

Они оказались в широком проходе под каменной аркой.

Марк узнал часть бывшего храма: основание колонны, след от архивной перегородки, замурованную нишу. Только здесь всё было новым и старым одновременно. Камень проступал сквозь деревянную обшивку, как кость под кожей. Лампы качались без воздуха.

Ника остановилась у колонны, пытаясь отдышаться.

— Там впереди зал, — сказала она. — Настоящий. Я вижу своды.

Марк видел ещё один ряд дверей.

Шаги приближались с двух сторон.

Он слышал десятки фраз, но теперь не пытался понять каждую. Искал не слова, а отсутствие конца — след, в котором их движение продолжалось.

Справа все голоса обрывались.

Слева один оставался.

Пап.

Марк повернул к нему.

— Не туда, — сказала Ника. — Зал прямо.

Он уже шёл вдоль дверей. Голос повторился тише, не предупреждая и не приказывая.

Пап.

Деревянная дверь с облупленной синей краской была приоткрыта. Из щели падал тёплый свет, невозможный среди белых ламп.

Марк коснулся ручки.

— Подожди, — сказала Ника за спиной.

Он открыл.

За дверью находилась маленькая комната. Зелёная краска до середины стены, белая раковина, яркая лампа над зеркалом. Та самая комната, которую удерживало зеркало в его прихожей.

У противоположной стены стоял шестилетний мальчик. Синяя рубашка, тонкие колени, деревянный ключ в сжатой руке.

Марк узнал его не по лицу.

По тому, как он старался занимать меньше места.

Мальчик поднял голову.

— Пап, — сказал он.

У Марка не нашлось ответа на чужое «пап».

Ребёнок смотрел не на него.

За спиной Марка горела белая лампа. Его тень пересекала порог, ложилась на зелёную стену и накрывала мальчика большой тёмной рукой.

Мальчик смотрел на тень.

ГЛАВА 6

Глушитель

Тень накрывала мальчика большой рукой.

Сам Марк стоял неподвижно.

Тёплый свет падал на синюю рубашку, на тонкие пальцы вокруг деревянного ключа, на лицо, которое отказывалось становиться воспоминанием. Ребёнок смотрел поверх плеча Марка и ждал ответа.

— Пап.

На этот раз слово прозвучало не внутри, а вслух. Ника резко вдохнула за спиной.

— Ты тоже слышала?

— Слышала ребёнка.

Марк оглянулся. Ника стояла на пороге, но смотрела не в комнату, а на него.

— Что ты видишь?

— Кирпичную нишу. Раковину без крана. И тебя перед стеной.

Он снова повернулся к мальчику.

Комната была на месте. Зелёная краска, зеркало, белая лампа. Только отражение оставалось пустым: в нём не было ни мальчика, ни Марка, ни тени.

Ребёнок поднял деревянный ключ.

Первым войдёшь ты.

Фраза пришла вместе с запахом древесной пыли и теплом большой ладони. Остаточный след — или воспоминание, которого у Марка не должно было быть.

В коридоре за ними открылась дверь.

— Нашли, — сказала Ника.

Она схватила Марка за локоть и потянула назад. В то же мгновение мальчик шагнул к тени.

Марк отступил через порог.

Синяя дверь захлопнулась. За ней не осталось комнаты — только плоский ряд тёмных ящиков. Один выдвинулся сам и ударился о пол. Пустые карточки рассыпались под ногами.

Люди в сером появились у дальней арки.

Второй выход перекрыт.

Предваряющий след окружила короткая абсолютная тишина.

Через мгновение мужчина произнёс те же слова вслух.

— Второй выход перекрыт.

— Зал там, — сказала Ника и указала в сторону, где Марк видел глухую деревянную стену.

— Там ничего нет.

— Для тебя.

Она первой шагнула в стену.

Её тело прошло сквозь обшивку без сопротивления. Марк остался один среди ящиков и белых ламп. Люди в сером приближались, не ускоряя шага. Их спокойствие было хуже погони: они двигались как те, кто заранее знает, чем закончится любой маршрут.

Марк коснулся места, где исчезла Ника.

Дерево не уступило.

Правее.

Он не понял, чей это голос. Предваряющий след не повторился. Марк сдвинул ладонь вправо и почувствовал холодный камень там, где видел полированную панель.

Шагнул.

Пространство сжало плечи и отпустило.

Он оказался в центральном зале бывшего храма.

Ника стояла рядом, тяжело дыша. За её спиной поднимались настоящие каменные своды. Временные лампы горели вдоль стен, на полу темнели следы протечек, железная решётка отделяла бывшее хранилище. Всё совпадало с обмерами.

Марк услышал каплю, упавшую в металлическое ведро.

Шорох куртки Ники.

Собственное дыхание.

Больше ничего.

Он прислушался к стенам. Ни остаточного страха, ни прикосновений архивистов, ни детского голоса. Попытался уловить ближайшее будущее — слово Ники до того, как она откроет рот, движение за дверью, любой след, ожидающий своего источника.

Пусто.

Тишина была точной. Она не убирала обычные звуки, а отделяла их от всего, что не принадлежало настоящей секунде.

Марк медленно опустился на основание колонны.

— Что с тобой? — спросила Ника.

— Они исчезли.

Она посмотрела на проход, из которого они вышли. Для неё там находилась обычная арка с оборванными кабелями.

— Люди?

— Голоса.

— Все?

— Все.

Ника села рядом, не выпуская фонаря.

— Это хорошо?

Ещё утром Марк ответил бы не задумываясь. Он хотел вернуть тишину, закрыть чужие мысли, снова различать собственную жизнь по расписанию и спискам задач.

Теперь отсутствие голосов ощущалось не покоем, а вырезанным участком пространства.

— Не знаю.

— Второй точный ответ за вечер. Ты быстро учишься.

Раньше рядом с Никиным лицом почти всегда существовала вторая реплика: раздражённая, тревожная, иногда мягче произнесённой вслух. Сейчас остались усталые глаза, мокрые волосы и пальцы, побелевшие на корпусе фонаря.

— О чём ты думаешь?

Ника удивилась.

— Ты спрашиваешь?

— Я не слышу.

— А раньше поэтому не спрашивал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.